

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-5-17

УДК 17:008:001.8:316

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТУАЛЬНОМ ПОЛЕ БИОЭТИКИ

Никулина М.А.

В статье дан концептуальный анализ феномена субъектности в пространстве современной биоэтической рефлексии, определены основные трансформации субъектности, адгерентные постнеклассической парадигмой и развитием биотехнологичных практик. Социальная и социологическая нагрузка концепта «субъектность» связана с осмыслением инкорпорированности в него морально-нравственных составляющих. Обосновывая необходимость этической параметризации субъектности в биоэтическом дискурсе, автор раскрывает перспективу совершенной социальной реальности в контекстуальном поле биоэтики, выделяя горизонты исследования биоэтического плана бытия субъекта. Ценностная компонента субъектности определяет биоэтическое измерение человеческой субъектности, что позволяет рассматривать этико-аксиологическое начало в качестве ресурса для формирования интегративных представлений, порождающих базис новой универсальной картины мира. Автор приходит к выводу, что ценностная активность, мотивационно-ценностная направленность, определенная этико-аксиологическая позиция биоэтического субъекта выступают еще и в качестве некоего идеала, позиционирующего план должного и возможного, что особенно актуально в эпоху биотехнологического прогресса.

**Ключевые слова:** биоэтика; субъект; субъектность; биоэтический субъект; социологический подход; гуманизация; гуманистическая парадигма; биотехнологии; постнеклассическая парадигма.

## **TRANSFORMATION OF CONCEPT OF SUBJECTIVITY IN THE CONTEXTUAL FIELD OF BIOETHICS**

Nikulina M.A.

In article the conceptual analysis of a phenomenon of subjectivity in the space of a modern bioethical reflection is given, the main transformations of subjectivity, adherent by a post-nonclassical paradigm and development of biotechnological activities are determined. Social and sociological loading of a concept "subjectivity" is connected with judgment of incorporated moral components. Proving the need of ethical parameterization of subjectivity for a bioethical discourse, the author opens the perspective of perfect social reality in a contextual field of bioethics, allocating the horizons of research of the bioethical plan of life of the subject. Valuable component of subjectivity defines bioethical measurement of human subjectivity that allows to consider the ethic and axiological beginning as a resource for formation of the integrative representations generating the basis of a new universal picture of the world. The author comes to a conclusion that valuable activity, a motivational and valuable orientation, a certain ethic and axiological position of the bioethical subject act also as the certain ideal positioning the plan like due and possible that is especially urgent during an era of biotechnological progress.

**Keywords:** bioethics; subject; subjectivity; bioethical subject; sociological approach; humanization; humanistic paradigm; biotechnologies; post-nonclassical paradigm.

Техногенный вектор развития человеческой цивилизации, связанный с невероятным «онаучиванием» мира и жизни в нем, инициирует ряд значительных трансформаций, и как следствие - предельная проблематизация феномена человеческого существования. В этом отношении, на наш взгляд, особо необходимо выделить комплекс биомедицинских технологий, нацеленных на модификацию / переконструирование человека. Уже ставшая привычной метафора «искусственный человек» вскрывает опосредованность бытийственного начала субъекта научным производством. Примечательно, что меняется и восприятие самих биотехнологий: теперь они представляют собой не некоторые объекты, инструменты, а опосредующее взаимодействие «субъекта и Мира, Я и не-Я, конструируя особенное коммуникативно-деятельностное пространство, которое в свою очередь задает направление нашему жизненному пути» [10, с. 37]. В рамках такого технико-конструктивистского подхода к природе человека формулируется идея «универсального человека» с принципиально новыми свойствами, что инициирует «интенсивный запрос на распознавание специфически человеческого» [3, с. 110], а это непосредственным образом связано с проблематикой субъектности как атрибутивного человеческого качества.

Однако в постнеклассической перспективе в условиях «текучности бытия», с присущими ему атрибутами неопределенности, хрупкости, экзистенциальной неуверенности, изменяется отношение человека к миру и самому себе, появляются новые формы взаимозависимостей, формируется запрос на целостное видение человеческих возможностей. Стремительно развивающиеся биотехнологии готовы и уже способны эти возможности приумножить. Но будет ли в этом польза для человека? Риторический вопрос, на который ищет ответ биоэтика. Это еще раз подтверждает неслучайность появления концепта «субъектность» в контекстуальном поле биоэтики, призванного сконцентрировать внимание не только на деятельностном начале, но и на его преобразующей направленности, духовно-нравственной наполненности и

включенности в сложную сеть intersубъективных взаимодействий, которые не являются чем-то внешним по отношению к человеку, но погружены в глубины его внутренней структуры.

«Субъектность», выступая в качестве предельно общего концепта, претендует на определение границы между личностным и внеличностным, одушевленным и неодушевленным. Субъектность фокусирует в себе не только «трансцендентальную определенность», то есть общую всем систему качеств, но и атрибутивное свойство - быть рефлексивным агентом социальных трансформаций, «Я-деятельностным», актором исторических преобразований, непрерывно разрешающим противоречия, совершающим выбор, самоопределяющимся в смысловом пространстве.

Понятие «субъективности» направлено на раскрытие внутреннего мира личности в его неповторимости и уникальности, оно символизирует смещение акцентов с осознанного на неосознанное и культуробусловленное в человеке. Если концепт «Я» предполагает личностный уровень, наличие индивидуального начала, которое задается метрикой от первого лица, то «субъектность» предстает в качестве предельно общей генерализации, надличностного концепта, претендующего на поиск границы между внеличностным и личностным и, в отличие от «Я», не может быть выражено структурно. Превалирующим в понимании ориентированности «самости» является сфера бессознательного, что объясняет трудности формализации данного феномена. В отличие от «субъекта», традиционно представляемого через ответ на вопрос «кто?», субъектность может быть выражена через вопрос «как?», указывая при этом на систему качеств, конституирующих деятельные способности человека.

В контекстуальном поле биоэтики сформирован запрос на интегративную категорию «субъективности», преодолевающую односторонность картезианского «субъекта», как исключительно сознательного, транспарентного и доступного для анализа, так и постмодернистского субъекта-функцию, лишенного

бытийного и ценностного основания. Такое понимание субъектности иллюстрируется отходом от позиций андроцентризма, появлением Других субъектностей и субъективностей. В современной исследовательской парадигме выделена тенденция рассмотрения субъектности в измерении множественности, своеобразного «умножения» субъектов в исследовательском дискурсе. В постчеловеческих исследованиях прослеживается стирание границ между естественным и искусственным, человеком и техникой.

Значительная интенсификация и расширение поля исследований феномена жизни во второй половине XX века стали причиной формирования современной биоэтической парадигмы, что свидетельствует о повышении мировоззренческого, методологического, эвристического и ценностного потенциала биоэтики в целостной системе материальной и духовной культуры общества. Новый статус биоэтики выдвигает целый ряд приоритетных проблем, требующих осмысления. Среди них по праву первостепенной становится проблема выявления мировоззренческой роли биоэтики, ее вклада в осознание представлений о месте и роли жизни на Земле и в околоземном пространстве, в методологическое осмысление целенаправленного процесса коэволюции природы и общества. Словом, в настоящее время заметно повышается теоретический и методологический статус биоэтики в формировании интегративных представлений, образующих основу новой универсальной картины мира – целостной системы наиболее общих взглядов человека на окружающий и собственный мир через призму знаний о жизни. И всему этому есть несколько объяснений.

Один из главных векторов, которыми можно охарактеризовать направленность развития науки в последние десятилетия — это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит, если можно так выразиться, все более плотное «обволакивание» человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустриваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не

ограничивается одним лишь «обслуживанием» человека — наука и техника приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известной мере делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и его самого [8, с. 3]. Современные генетические, эмбриологические исследования, например, связанные с клонированием, буквально направлены на это.

Научно-технический прогресс все более ориентируется на интересы и нужды отдельного человека, который выступает в качестве главного и массового потребителя того, что дает этот прогресс. Но, более того, сами интересы и нужды рядового человека — потребителя — теперь становятся стимулом, во многом определяющим направления и темпы научно-технического прогресса. И в той мере, в какой на нем начинает концентрироваться мощь научного познания, в какой науке разрабатываются все новые, все более тонкие и эффективные средства воздействия на него, неизбежно возрастают элементы риска и опасности, которым человек подвергается. А значит, становится актуальной задача защиты человека, ради которого теперь осуществляется прогресс науки и техники, от негативных последствий этого же самого прогресса. В результате резко обостряется необходимость выявлять такие последствия и тем или иным образом реагировать на них. И здесь новое понимание требуют очевидные, но по-новому поставленные вопросы определения ценности человеческой жизни в связи с генетическими исследованиями, требованиями этического отношения к животным и др. [4, с. 19]. А это — проблемы биоэтики.

Данный контекст проблематизирует исследование этических оснований феномена субъектности в пространстве современной биоэтической рефлексии. Базовым для социологического анализа биоэтической субъектности становится центрированность вокруг множественности свойств, качеств, системных признаков. Субъект утрачивает себя как целостное индивидуальное образование и не выступает более как самобытный конституирующий исток

культуры. Превращаясь в некоторую функцию, он приобретает новую форму существования – в качестве «дивидуума».

Явные или отдаленные во времени последствия научно-технического прогресса в области биомедицины все чаще заставляют заново осмысливать традиционные представления о благе пациента, о начале и конце человеческого существования. Биоэтика дает интеллектуальное обоснование и социальное оформление публичным дискуссиям, в ходе которых общество принимает решения о том, где пролегают границы человеческого существования. Решения эти, как правило, не бывают окончательными — по мере появления новых биомедицинских технологий, вовлечения в дискуссии все новых социальных групп их снова и снова приходится переосмысливать. Вопрос о том, что значит быть человеком, становится одним из центральных отнюдь не только в академических исследованиях. От его решения зависит моральная оценка действий медиков, исследователей и пациентов в конкретных ситуациях.

Исходя из вышесказанного, XXI век должен стать веком гуманизации науки. Система медико-биологических знаний и исследований, одновременно субъектом и объектом которых является человек, что, казалось бы, само по себе обеспечивает их гуманистическую ориентацию, как это ни парадоксально, не является исключением. Скорее, наоборот – в этой области назрела особо острая нужда в гуманистическом осмыслении происходящих процессов, и поэтому здесь анализ механизма взаимодействия естественнонаучного и гуманитарного знания приобретает первостепенное значение. Необходимость их синтеза требует поиска новых концепций. Одним из возможных путей осуществления этого синтеза является становление, развитие и изучение биоэтики. Сегодня все еще идет поиск ее ценностных оснований, который должен помочь сформулировать новые этические постулаты, выдвинуть их перед медицинским и научным сообществом, обосновать моральные дилеммы, с которыми сталкиваются врачи, медперсонал и исследователи в своей повседневной работе.

Вместе с тем в условиях утверждения современной гуманитарной парадигмы науки именно биоэтика обеспечивает разрешение на своем поле противоречия между антропоцентризмом «старого» гуманизма, делавшего человека исключительным центром мироздания, и новым, «неантропоцентрическим» подходом, заботящимся о Жизни и Живом во всех их проявлениях. Снимая это противоречие, биоэтика делает обе эти парадигмы комплементарными – «уживающимися» и взаимодополняющими друг друга. Современная экологическая ситуация вплотную подвела социум к осознанию несостоятельности и даже опасности отношения к человеку как самоценности. Сегодня условием эко- и биобезопасности становится новая постчеловечность – человечность более высокого уровня, направленная на выбор человеком подлинных жизненных ценностей и выявляющая его способность к заботе о жизни и правах Живого на до-, не- и недо-человеческом уровнях [9, с. 134]. Это ведет к расширению традиционного предметного поля общей этики за счет включения в него объектов природы как равноправных субъектов, что и вызвало появление новых отраслей этического знания – экоэтики и биоэтики. Они вырабатывают новые нравственные нормы поведения личности не только в «человеческих», но и в «нечеловеческих» ситуациях, ориентируют человека на отказ от собственного антропоэгоизма и учат его проявлять Любовь, Уважение и Ответственность по отношению ко всему природному миру. Смысл же понятия «биоэтика», введенного В. Р. Поттером [7], предполагает рассмотрение ее в качестве «моста в будущее», обеспечивающего человечеству выживание и безопасность.

Строительство этого моста требует формирования нового типа морального сознания, синтезирующего глобальное видение мира с подлинно гуманистическими ценностями. Этот тип сознания предполагает переход от «старого» принципа регуляции отношений человека и природы – антропоцентризма, который, считая Человека единственным и высшим критерием в шкале ценностей, высокомерно ставил его над Природой, к

новому, неантропоцентристскому подходу. Последний высшей ступенью в шкале ценностей считает не человека и не природу, а гармоничное и равноправное сообщество людей и всех других компонентов природы. При этом биоэтические концепции предполагают оптимальное соотношение интересов человечества и всей остальной биосферы – «Иного Живого», при котором, воздействуя на объекты живой природы, используя их в своих целях, человек обязан учитывать их возможности и интересы. Так гуманизм человека должен проявляться в отношении к природе в той же мере, как и в межличностных отношениях. Ценностно-мировоззренческой основой выступает здесь признание «одухотворенности» Живого, что и делает возможным нравственно-понимающее отношение к нему [6, с. 103-106].

Проявляется оно в стремление понять Живое, вплоть до взаимопроникновения в его чувствования и переживания. Для такого сочувствия, сострадания необходимо, чтобы Живое – «нечеловеческий субъект» признавалось источником отношений, равным субъекту человеческому. Это, в свою очередь, требует признания независимости и внутренней самоценности природных феноменов, независимо от их ценности для человека и его потребностей. Поэтому человек не вправе решать с позиции пользы и целесообразности вопрос о ценности или праве на жизнь того или иного животного или биологического вида. Его долг – не допускать потерь в биоразнообразии, сохраняя все виды и объекты природы и заботиться о правах биоса, проявляя широкий «человеческий» подход, предполагающий пересмотр традиционных этических принципов и формирование новых. Основой такого подхода, определяющего отношение человека к природе как «Иному Живому», является понимание собственной сущности как части природы. Этот внутренний фактор единства и взаимодействия человека и природы обусловлен, прежде всего, природной (биологической) сущностью самого человека, что, вероятно, и натолкнуло его в свое время на мысль использовать для изучения человеческой природы другие животные системы.

Вместе с тем именно это обстоятельство требует от нас признавать приоритетным, естественным правом, определяющим все другие права и моральные ценности, право на жизнь – не только человека, но и других природных систем. Именно оно предупреждает об опасности, общей и для всей природы, и для человека – опасности излишне активного вмешательства человека в Природу [2]. Яркий пример этому - достижения генной инженерии по вторжению в природу человека, других живых существ и растений.

На теоретическом уровне необходимость и возможность подобного подхода определяется моральными принципами, ценностями и императивами, выступающими регулятивами и одинаково «пронизывающими» сферы биоэтики, экоэтики и общественной морали в целом. Общим главенствующим принципом, безусловно, является здесь принцип «благоговения перед жизнью» А. Швейцера. Он требует от человека «относиться с благоговением к каждому живому существу и уважать его как собственную жизнь». Этика благоговения перед жизнью включает в себе любовь, самопожертвование, сострадание и стремление помочь любому живому существу, которое напоминает нам: «Я – жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить». Нравственным человеком является «только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред» [11].

Другим общим принципом био- и экоэтики, оказывающим влияние на состояние общественной морали и биобезопасность, выступает принцип субъект-субъектных отношений человека и природы. Он вытесняет традиционные отношения, в которых природа и Иное Живое (животное, человеческий эмбрион, неправомочный человек) выступают как объект (исследования, вмешательства, «усовершенствования»), и заменяет их принципиально иными, необходимыми для установления равноправного диалога человека и природы. Этико-методологическим основанием данного принципа выступает ориентация на взаимодействие человека, в частности, с

животным как с иным субъектом, обладающим собственными правами (правом на жизнь, на избавление от страданий и др.). Этот принцип воплощается в экологическом императиве, требующем учитывать одинаковую уязвимость и человека, и природной среды; не допускать превышения их «пределов прочности»; не вступать в противоречие с природными закономерностями; минимизировать «старые» принципы полезности, целесообразности и использования животных, заменяя их новыми гуманистическими принципами самоценности Живого [5].

Таким образом, современная гуманистическая парадигма предполагает обостренную этико-аксиологическую рефлексию над нравственными основаниями клинической медицины, биомедицинских исследований и доклинических испытаний. Именно в рамках биоэтики, где мораль проявляется в ее высшем – гуманистическом – смысле, в ситуациях на грани жизни и смерти Живого, осуществляется мировоззренческое переосмысление таких категорий, как гуманизм и справедливость, благо и вред, страдание и сострадание, и распространение их «юрисдикции» на отношение человека к любому Живому [12].

Аккумулирует в себе эти положения биомедицинская этика [1], как профессиональная прикладная составляющая биоэтики, в содержании которой могут быть выделены такие аспекты, как:

- нормативный, в рамках которого исследуются специфика и «работоспособность» общечеловеческих моральных ценностей в медицине;
- ситуативный, обосновывающий необходимость морального выбора и принятия решений в различных биомедицинских ситуациях и казусах;
- экспериментальный, предполагающий распространение моральных принципов на биомедицинские исследования терапевтического и нетерапевтического характера на человеке и животных;
- деонтологический, регулирующий функции и принципы поведения медика во взаимоотношениях «врач–больной» и «врач–врач»;

– институциональный, связанный с необходимостью решения социальных и профессиональных проблем здравоохранения и ролью биоэтических комитетов как специальных институтов в этом процессе.

Большинство биоэтических проблем носят «открытый» характер, поскольку они ставят врача и исследователя перед выбором, который не всегда является однозначным и простым, но всегда зависит от уровня их этической компетентности, которая требует биоэтического образования всех участников клинического лечения или исследовательского процесса.

Любопытно сравнение П. Тищенко биоэтической ситуации с соматическим заболеванием. Он утверждает [8, с. 8-16], что биоэтическая ситуация возникает по схеме острого заболевания, и методы её разрешения примерно те же. Суть ситуации в факте вторжения другого в «мой мир», т. е. то телесное пространство, которое по каким-то причинам «самость» считала своим. Это освоение не сводится к процедурам прямого контроля, т.к. речь идёт о ценностной стороне событий. Происходящее в мире, который самость считает своим (свой мир может вмещать и человечество в целом, и некоторую частицу существа или фрагмент существования отдельного индивида), должно происходить в соответствии с моими-нашими ценностями и только в этом случае моя-наша самость не «ощущает» себя ущемлённой. Поэтому биоэтическая ситуация возникает не только тогда, когда врач или другой медицинский работник затрагивает мои моральные ценности, непосредственно манипулируя моим телом или чем-то мне принадлежащим (как например, медицинской информацией), но и тогда, когда характер манипуляций с телом другого человека не соответствует моим-нашим ценностным установкам. Аборт, на который добровольно идёт женщина, «касается» нас всех. Биоэтическая ситуация, по аналогии с соматическим заболеванием, развивается как острый конфликт, выводящий систему врач — пациент из положения равновесия. Задача биоэтики при этом понимается как разработка особых этических технологий (теорий, принципов, правил и т. д.), которые

способствовали бы разрешению, возникающих конфликтов, т. е. возвращению системы в равновесное состояние. Идеальные состояния «здоровья» или «морального блага» в рамках социального взаимодействия выражаются через процедуры нормирования — формирования научно обоснованных и этически санкционированных норм. Нормальное кровяное давление и нормальная температура свидетельствуют о здоровье, а соответствие характера взаимоотношений медработников принятым этическим нормам — о моральном благополучии.

Необходимость понимания метафизических схем самоидентификации и субъектности в биоэтике обусловлена угрозой превращения биоэтики в разновидность «моральной технологии», которую можно будет использовать безличным и формальным образом в рамках любых структур современного общества.

Биоэтика — форма адаптации новой человеческой природы, пересоздаваемой биотехнологиями. Наступление на собственную природу оказывается равнозначным для существования человека, в сравнении с технологическими натисками на природу внешнюю. Биоэтика фиксирует радикальное преобразование идентичности человека. В поле ее внимания оказываются пределы, до которых возможны модификации идентичности, связанные с трансформациями телесности и самосознания.

Современная парадигма биоэтики характеризуется радикальным поворотом от способов эмпирического описания врачебной морали к обостренной этико-аксиологической рефлексии над основаниями нравственности в биомедицинских исследованиях, формированием своих собственных положений о моральных ценностях, расширением проблемного поля биоэтики с включением в нее не только нравственных, философских, но и правовых компонентов, объединением различных видов систем ценностей: биологических (физическое существование, здоровье, свобода от боли и т.д.), социальных (равные возможности, получение всех видов медицинских услуг и

т.п.), экологических (осознание самоценности природы, ее уникальности, коэволюции), личностных ценностей (безопасность, самоуважение и т.п.).

Проведенный концептуальный анализ феномена субъектности в пространстве современной биоэтической рефлексии и основных трансформаций субъектности, адгерентных постнеклассической парадигмой и развитием биотехнологических практик, позволяет сделать следующие выводы.

Нарастающий темп изменений в технологической и природной среде влекут за собой изменения человеческой жизни как таковой. Стремительно эволюционирует вслед за этим и методология социальных наук: социологии, экономики, антропологии, биоэтики и других. Но парадоксальность ситуации заключается в том, что усовершенствованный и точный инструментарий изучения объектов окружающего мира очень быстро устаревает, потому что границы этих объектов все более условны и «текучи», а открываемые явления и факты констатируют многократное усложнение всякой последующей структуры и ее анализа.

В обществе к человеку вводятся в употребление все новые термины и характеристики: зритель, потребитель, реципиент, идентичность, дивидуум и т.д. Очевидно, что прежние понятия «гражданин», «индивид-личность-индивидуальность», принятые в отечественной социологической науке, перестают быть исчерпывающим социально-концептуальным рядом. Социальный мир и сам человек превращаются в моделируемую по шаблонам, типажам и проектам матрицу. Социологи подтверждают феноменальную легкость перехода от разнообразия к унификации. Обретший на пути индивидуации свое «Я», свою субъектность, человек с легкостью с ней расстаётся.

Эмпирия постмодернизма инициирует фарс, «подделку» субъективации: субъектные «различия» - расовые, гендерные, мотивационные - предлагаются на рынке товаров, они продаются, обмениваются и тиражируются. Субъективация как личностное полагание себя в мир в качестве субъекта,

подменяется «покупкой субъектности», которая на деле оказывается «объектом продажи». Плюралистическая парадигма различий впервые столь явно затронула саму личность, сделав ее «плюралистическим актором», «складирующим» свои «различия» внутри собственного сознания, как внутри собственного гардероба. Ориентируясь постоянно во вне, ища опору в подтверждении своего «Я» в символах моды, рекламы, бренда и т.п., субъект общества спектакля стал «плюралистическим актором» [14, p.17].

Технологические возможности ведут к почти невыносимой фрагментации человека. Субъект начал «существовать» «вне-субъектности» (*fora-de-si*) [13, p.152], а также «внутри-субъектности» (*dentro-de-si*) [13, p.153]. Фрагментация субъекта выражена и в подходах к лечению: «тело-организм» – всегда было традиционной преференцией медицины, «психическое» же – долгое время являлось объектом психоанализа. И до тех пор, пока не будет сфокусирован взгляд на целостного субъекта и не будет преодолен дуализм «субъекта» и его «тела» – кризис и в медицине, и в биоэтике будет лишь нарастать. Но, преодолевая традиционный дуализм духа и тела, необходимо правильно понять плюрализм реальных и виртуальных различий, заложенных в природе идентичностей и сделанных имиджей, преобразующих человеческую субъектность.

По сути дела мы наблюдаем процесс десубъективации индивида, его превращение в управляемый и направляемый актор. Исчезающее в постмодернистской социальности «Я» все более ощущает пустоту. И зачастую это переходит, например, в желание «искусственной» смерти-эвтаназии, т.к. страдание, печаль – чувства, которые были близки экзистенциалистам в 40-50-е годы – сегодня уже не «в моде» [13, p.191].

В мире имеется множество линий развития сюжета для человеческой субъектности. Очевидно, что процесс субъективации стал проблематичен в различных культурных и социальных пространствах. Но особую заостренность он приобрел в постмодерне, где наиболее ощутимой стала не просто

социальная стратификация общества, но и его интеллектуальная и моральная деградация.

Социальная и социологическая нагрузка концепта «субъектность» связана с осмыслением инкорпорированности в него морально-нравственных составляющих. Обоснованная необходимость этической параметризации субъектности в биоэтическом дискурсе раскрывает перспективу совершенной социальной реальности в контекстуальном поле биоэтики, выделяя горизонты исследования биоэтического плана бытия субъекта. Ценностная компонента субъектности определяет биоэтическое измерение человеческой субъектности, что позволяет рассматривать этико-аксиологическое начало в качестве ресурса для формирования интегративных представлений, порождающих базис новой универсальной картины мира. Ценностная активность, мотивационно-ценностная направленность, определенная этико-аксиологическая позиция биоэтического субъекта выступают еще и в качестве некоего идеала, позиционирующего план должного и возможного, что особенно актуально в эпоху биотехнологического прогресса.

### **Список литературы**

1. Биомедицинская этика: учеб. пособие / под ред. Т.В. Мишаткиной, С.Д. Денисова, Я.С. Яскевич. Минск: Тетра Системс, 2003. 320 с.
2. Мишаткина Т. В. Этические основания биомедицинских исследований и образования. URL: <http://edu.grsu.by/cei/?p=126> (дата обращения: 17.10.2013).
3. Насынбаев А. Н. Человеческая субъектность как духовно-нравственный феномен // XXII Всемирный философский конгресс (Сеул, 2008). Доклады казахстанской делегации. Алматы: К-ИЦ ИФП МОН РК, 2008. С. 149-160.
4. Никулина М. А. Актуальность и перспективы социологического изучения биоэтики // Современные исследования социальных проблем

(электронный научный журнал). 2012. №2(10). С. 19. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-gu/issues/2012/2/nikulina.pdf> (дата обращения 15.03.2012).

5. Основы экологической этики: учеб. пособие / Т.В. Мишаткина [и др.]; под общ. ред. Т. В. Мишаткиной, С. П. Кундаса. Минск: МГЭУ им. А.Д. Сахарова, 2008. 286 с.

6. Петрицкий В. А. Экологизация морали и этика // Философские науки. 1990. № 4. С. 103–106.

7. Поттер В. Р. Биоэтика. Мост в будущее. Киев : Видавець, 2002. 216 с.

8. Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 1: Биоэтика: антропологические проблемы: сб. науч. статей / под ред. Б. Г. Юдина. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 32 с.

9. Тульчинский Г. Л. Современная гуманитарная парадигма: гуманитарность против гуманизма? // Философский век. Альманах. Вып. 21. Материалы международной конференции «Науки о человеке в современном мире». Ч. 1. М.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. С. 129–135.

10. Чеклецов В. В. Топологическая версия постчеловеческой персоналогии: к разумным ландшафтам // Философские науки. № 6. 2010. С. 36 – 53.

11. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер; сост. и посл. А.А. Гусейнова; общ. ред. А.А. Гусейнова. М. : Прогресс, 1992. 573 с.

12. Balls M. The three Rs and the humanity criterion an abridged version of the principles of humane experimental technique by W.M.S. Russell and R.L. Burch / M. Balls. Nottingham, UK: FRAME, 2009. 131 p.

13. Birman J. Mal-estar na actualidade. A psicanalise e as novas formas de subjetivacao. Rio de Janeiro: Civilizacao Brasileira, 1999. 169 p.

14. Lahire B. Humem plural: os determinantes de acao. Petropolis, RJ: Vozes, 2002. 227 p.

## References

1. *Biomeditsinskaya etika* [Biomedical ethics]: ucheb. posobiye / pod red. T.V. Mishatkinoy, S.D. Denisova, Ya.S. Yaskevich. Minsk: Tetra Systems, 2003. 320 p.
2. Mishatkina T. V. *Eticheskiye osnovaniya biomeditsinskikh issledovaniy i obrazovaniya* [Ethical bases of biomedical researches and education]. URL: <http://edu.grsu.by/cei/?p=126> (accessed: October 17, 2013).
3. Nasynbayev A. N. *Chelovecheskaya subyektivnost kak dukhovno-nravstvennyy fenomen* [Human subjectivity as spiritual and moral phenomenon] // XXII Vsemirnyy filosofskiy kongress (Seul, 2008). Doklady kazakhstanskoy delegatsii. Almaty: K-ITs IFP MON RK, 2008. pp. 149-160.
4. Nikulina M. A. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern Research of Social Problems], no. 2 (2012): 19. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/nikulina.pdf> (accessed: March 15, 2012).
5. *Osnovy ekologicheskoy etiki* [Bases of ecological ethics]: ucheb. posobiye / T.V. Mishatkina [i dr.]; pod obshch. red. T. V. Mishatkinoy, S. P. Kundasa. Minsk: MGEU im. A.D. Sakharova, 2008. 286 p.
6. Petritskiy V. A. *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences], no. 4 (1990): 103–106.
7. Potter V. R. *Bioetika. Most v budushcheye* [Bioethics. The bridge in the future]. Kiyev : Vidavets, 2002. 216 p.
8. *Rabochiye tetradi po bioetike* [Workbooks on bioethics]. No. 1: Bioetika: antropologicheskiye problemy: sb. nauch. statey / pod red. B. G. Yudina. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2006. 32 p.
9. Tulchinskiy G. L. *Sovremennaya gumanitarnaya paradigma: gumanitarnost protiv gumanizma?* [Modern humanistic paradigm: humanization against humanity?] // Filosofskiy vek. Almanakh. No. 21. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Nauki o cheloveke v sovremennom mire». Part 1. M.: Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey, 2002. pp. 129–135.

10. Chekletsov V. V. *Filosofskiye nauki* [Philosophical sciences], no. 6 (2010): 36 – 53.
11. Shveytser A. *Blagogoveniye pered zhiznyu* [Reverence for life] / A. Shveytser; sost. i posl. A.A. Guseynova; obshch. red. A.A. Guseynova. M. : Progress, 1992. 573 p.
12. Balls M. The Three Rs and the Humanity Criterion An abridged version of The Principles of Humane Experimental Technique by W.M.S. Russell and R.L. Burch / M. Balls. Nottingham, UK: FRAME, 2009. 131 p.
13. Birman J. Mal-estar na actualidade. A psicanalise e as novas formas de subjetivacao. Rio de Janeiro: Civilizacao Brasileira, 1999. 300 p.
14. Lahire B. Humem plural: os determinantes de acao. Petropolis, RJ: Vozes, 2002. 227 p.

#### **ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ**

**Никулина Марина Алексеевна**, заместитель декана по учебной работе факультета социологии и политологии, доцент кафедры социальных технологий, кандидат философских наук, доцент

*Южный федеральный университет*

*ул. Большая Садовая, д.105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия*

*e-mail: nikulina\_marina@mail.ru*

*SPIN-код: 6552-0060*

#### **DATA ABOUT THE AUTHOR**

**Nikulina Marina Alekseevna**, Associate Dean for Academic Affairs of Sociology and Political Science Faculty, Associate Professor of Social Technologies Department, candidate of philosophical sciences, Associate Professor

*Southern Federal University*

*105/42, Bolshaya Sadovaya street, Rostov-on-Don, 344006, Russia*

*e-mail: nikulina\_marina@mail.ru*

**Рецензент:**

**Тарасенко Лариса Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой моделирования социальных процессов факультета социологии и политологии ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону